

УДК 911.3:910.1

Ростислав К. В., студ.
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ПОНЯТИЕ МЕСТА В НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Ключевые слова: новая экономическая география, место, парадигматические сдвиги, деконструкция.

Вступление. Постановка проблемы. Наука изменчива, быть может, в этом ее сущность. Но человек требует от природы порядка, и его творчество не исключение. Именно это побуждает размышлять о нашей деятельности самой по себе. Размышляя, мы не обязаны оценивать. Оценка требует определенного мерила. Но вот где его взять, если логика и философия в наше время стараются не вмешиваться в споры внутри научных сообществ, оставаясь по отношению к ним лишь беспристрастным наблюдателем [5]? Итак, проблема, которая нас интересует, состоит в неопределенности современного состояния экономической географии.

Анализ последних публикаций. Есть множество работ, которые содержат обзор публикаций по той или иной теме. Однако в таких работах новыми направлениями часто пренебрегают под прикрытием преемственности в развитии науки. С другой стороны, среди представителей новых направлений обычно высокомерное отношение не только к господствующей теории, но и к идеям друг друга.

Описание новых направлений в экономической географии предложили Тревор Барнс (сторонник т. н. культурного поворота [3]), Сьюзен Мейхью, Рон Мартин (развивает эволюционную экономическую географию), Оливье Кревуазье (ему принадлежит идея новаторской среды [6]) Харальд Батхельт и Йоханнес Глюклер (они развивают т. н. относительную экономическую географию [4]), Дж. К. Гибсон-Грейем (под этим псевдонимом подписывают свои работы Джули Грейем и Кэтрин Гибсон) и др.

Достойна отдельного упоминания статья Эша Эмина и Найджела Трифта «Какая экономическая теория для какой экономической географии?» (англ. What Kind of Economic Theory for What Kind of Economic Geography?), опубликованная в 2000 году в журнале «Антипод» (англ. Antipode). Она была первым призывом к пересмотру основ современной экономической географии. Э. Эмин и Н. Трифт подвергли сомнению целесообразность привязанности экономической географии к основному направлению («мейнстриму») экономической теории: во-первых, новейшие теории и модели в экономической географии совсем не похожи на те, которые использует господствующая экономическая теория; во-вторых, в последнее время резко возросло число исследований хозяйства вне основного течения экономики, что вызвало бурное развитие эволюционной политической экономии, экономической социологии

логии, феминистической экономической теории, экономики природопользования и ряда других направлений [1].

Цели и задания статьи. Цель своей работы я вижу в упорядочении различных взглядов, а не в обнаружении и выправлении их недостатков. Насколько я понимаю, такой подход близок к «естественной эпистемологии» (англ. *naturalized epistemology*) У. В. О. Куайна и довольно распространен в современной методологии [5]. Для достижения указанной цели, очевидно, достаточно выполнить такие задания: 1) установить способы понимания места в новых направлениях экономической географии; 2) дать описание этих способов; 3) выяснить их связь.

Изложение основного материала. Прежде чем приступить к решению главной задачи необходимо прояснить два вопроса: что я подразумеваю, когда говорю о понятии места, и какие направления экономической географии я считаем новыми.

Есть множество слов, которые *могут* означать то же, что и слово *место*: район, область, местоположение, пространство, территория и др. Важно, что в иностранных языках словесные обозначения места не соответствуют нашим полностью. Поэтому-то и не следует при обсуждении отрасли в целом говорить о тонкостях значений синонимов. Пусть для нас место будет своеобразным символом, предельным отвлечением географической мысли, суть которого в его противоположности всемирному, глобальному.

Теперь несколько слов о направлениях. Исследованию последних перемен в экономической географии я посвятил целую курсовую работу. Сейчас я укажу только главные черты современной экономико-географической мысли. С точки зрения эпистемологической основы, наиболее сильно влияние постструктурализма. Что же касается общей направленности исследований, то, пожалуй, ее можно определить как культурный (так пишет, например, Тревор Барнс и Поль Клаваль [13]) или институциональный (в терминологии Рона Мартина [11]) поворот. На деле всё довольно просто: в литературе (по крайней мере в англоязычной) нередко попадаются слова *новая экономическая география*. Но здесь обязательна оговорка. Дело в том, что есть два течения с таким именем [13].

Новой экономической географией (сокращенно НЭГ) называют свое направление Пол Кругман и его последователи. В книге «Пространственная экономика: города, регионы и международная торговля» (англ. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*), вышедшей в свет в 1999 году, Пол Кругман, Энтони Венаблс и Масахиса Фудзита дали всестороннее математическое описание зависимости пространственной структуры экономики от величины транспортных издержек, подвижности факторов производства и возрастающей отдачи на уровне предприятия (то есть тех условий, которые могут быть оценены количественно). Были ясно сформулированы аналитические составляющие подхода, сущность его приемов (известный слоган «Диксит-Стиглиц, айсберги, развитие и компьютер») и его базовые модели

(центра и окраины, развития городских систем, промежуточных товаров и промышленных кластеров) [7].

Однако в среде «настоящих» экономико-географов (П. Кругман — экономист, который стал известным благодаря своим исследованиям международной торговли) идеи новой экономической географии были восприняты плохо. Показателен вызывающий заголовок критической статьи Эндрю Иссермана 1996 года «„Это очевидно, это ложно, и, как бы то ни было, они сказали это очень давно“? Пол Кругман о больших городах». Но для исследования парадигматических сдвигов более важно замечание профессора Кембриджского университета Рона Мартина, который в статье «Новый „географический поворот“ в экономике: некоторые критические замечания» (англ. The New ‘Geographical Turn’ in Economics: Some Critical Reflections) написал, что новая экономическая география вызывает чувство дежавю и что сама она не новая и даже не география [11].

От себя добавлю, что в моделях НЭГ самое понятие протяжения вводится косвенно — через транспортные издержки. При этом используется модель «айсбергов», предложенная Полом Самуэльсоном в 1952 году. Вместо описания индустрии перевозок как отдельной отрасли экономики, Самуэльсон предложил представить, что товары могут быть свободно перевезены, но часть груза по дороге «тает». Что касается мест самих по себе, то они определяются так: существует R обособленных мест; каждая разновидность производится только в одном месте; все разновидности, произведённые в отдельном месте расположения, «симметричны», имея одну технологию и цену [7]. Итак, совершенно ясно, что экономическая география Кругмана есть лишь попытка приложения неоклассической экономики к вопросам географии. Приведенное определение места далеко от принятого новыми собственно географическими школами.

Место для того чтобы быть местом, должно обладать значением — в одобрении этой мысли (в таком виде она была сформулирована Барнсом) и состоит главное отличие географов. Принцип значимости, вероятнее всего, проник в экономическую географию из географии гуманистической. Ифу Туань, Эдвард Релф и другие ее представители понимали место как явление, которое каждый человек чувствует по-своему, как предельно простой компонент опыта. Места расценивались как неповторимые, исполненные выразительности вещественные образования, которые отражают особенность восприятий и обычаев, связанных с определенной культурой [2]. А восприятия и обычаи есть ни что иное как начало институтов — форм социальной организации, исследование которых, как показал Дуглас Норт, может привести к пониманию различий в развитии между разными местами и к установлению закономерности эволюции экономического ландшафта.

В 1980-х годах постструктуралистские вмешательства (такое сочетание использует Джули Грейем и Кэтрин Гибсон [9]) привели к отрицанию того, что знание основано на действительности или призвано отражать действительность. Значение создается в определенных социальных и интеллектуаль-

ных условиях, а знание не правильное отражение, но производящая и образующая сила. Следовательно, знания нельзя различать по точности, но можно — по их влиянию. Такая неопределенность требовала новой методологии, и эту брешь заполнили деконструкция (предложена Жаком Деррида), анализ дискурса (метод Мишеля Фуко).

Деконструкция стремится пересмотреть различие вне противопоставления и подчиненности. Один из способов — переоценка противоположностей, их перестановка. Другой метод — стирание границ между отрицающими друг друга элементами, которое выдвигает на первый план их сходство и разрушает постоянство тождественности и присутствия.

Дискурс можно определить как особое собрание делений на категории, общих представлений и идей, которое создается, воспроизводится, показывается и преобразуется в особом наборе практик. Дискурсы должны укореняться в социальных институтах, регулироваться в соответствии с особым «режимом правды» и находиться в пределах особых сочетаний знания и силы, оставаясь при этом открытыми для обсуждения. Дискурсы помогают нам понять, как люди истолковывают и создают действительность. Метод анализа дискурса, разработанный Фуко, включает 1) выявление того, что теория отрицает, и 2) «родословный» анализ.

В отношении категории места антифундаментализм структуралистов вызвал переосмысление отношений в парах территориальное / нетерриториальное (значительность места самого по себе) и экономическое / неэкономическое (содержание места, соотношение в нем разных сил). Заметим, что к разрешению такого рода двойных противопоставлений средствами постструктурализма (главным образом при помощи деконструкции) призывал Клайв Барнетт [13].

В первую очередь рассмотрим важность места, то есть отношения в паре территориальное / нетерриториальное. Думаю, следует начать с Майкла Сторпера. В книге «Региональный мир. Территориальная развитие в глобальной экономике» (англ. *The Regional World. Territorial Development in a Global Economy*), изданной в 1997 году, Сторпер для лучшего понимания сложной природы производства и его географии, выделил три столпа экономической географии: технологию, организацию и территорию. Они образуют «троицу», посредством которой можно изучить экономические и социальные процессы, их взаимодействия и отношения [15]. Этой «троице» была приписана такая важность, что ее даже было названо «святой» (англ. *Storper's holy trinity*) [4]. Тот факт, что Сторпер написал о триединстве, указывает на парадигматический сдвиг в дисциплине, а именно на отказ от поиска всеобщих пространственных законов, в основе которого было признание за местом безотносительной важности для всякого экономико-географа.

Близки к троице Сторпера взгляды на экономическую географию у Оливье Кревуазье, который известен своим особым подходом к исследованию вопросов экономической географии, подходом, в центре которого — понятие новаторской среды. Последовательное изложение новой концепции

Кревуазье дал в статье «Подход „новаторские среды“: в направлении к территориальному пониманию экономики?» (англ. *The Innovative Milieus Approach: Toward a Territorialized Understanding of the Economy?*), вышедшей в 2004 году. По мнению Кревуазье, понятие новаторской среды связывает три парадигмы:

- 1) технологическую, которая выделяет как самые важные конкурентные преимущества новаторство, обучение и знание дела;
- 2) организационную, которая подчеркивает важность сообществ, конкуренции и правил сотрудничества;
- 3) территориальную, которая учитывает роль близости и отдаленности и подчеркивает, что конкуренция происходит между регионами.

Территория понимается ученым как пространство, сложенное из отношений между «игроками» (отдельными лицами или коллективами), а также между «игроками» и их вещественным окружением; она результат человеческого воздействия на пространство. (Кстати, во многих отраслях географической науки распространено убеждение, что место есть результат очеловечивания чуждого ранее пространства. Это может служить объяснением отрицания самостоятельной важности места в наше время.) Работа Кревуазье показательна и в другом отношении. Каждый, кто читал его работу достаточно внимательно, обратил внимание на то, что автор считает теорию и описываемую ей действительность... единственными — неоспоримое свидетельство «постструктуралистского вмешательства»!

...И всё-таки Кревуазье не повторяет Стоппера, так как пишет о конкуренции территорий: предприятия не могут самостоятельно создавать свое окружение, следовательно, нужно признать первенство окружения [6].

В основном противоположны подходу Оливье Кревуазье положения так называемой относительной экономической географии Харальда Батхельта и Йоханнеса Глюклера, которые постструктурализму предпочли более прагматичный (по их собственному признанию) критический реализм (каким его представил Эндрю Сэйер в книге «Метод в обществоведении»). Батхельт и Глюклер настаивают на том, что территория не может иметь самостоятельного значения — она лишь способ рассмотрения явлений хозяйственной жизни, «географическая призма». Если для так называемой региональной науки пространство — это «сосуд», который ограничивает и определяет экономическое действие, то для «относительной экономической географии» пространство — это результат экономического действия, который не является объектом экономико-географического исследования [4].

...На этом наш рассказ о важности места следует закончить. Перейдем же теперь к разрешению вопроса о соотношении между разными группами сил в их влиянии на эволюцию мест. Географии, особенно ее обществоведческим разделам, всегда было свойственно черпать вдохновение в других отраслях знания. Среди источников последних перемен в экономической географии, которые выделил уже упомянутый Рон Мартин, наибольший интерес вызывают два:

1. Перемены в других общественных науках, в том числе в экономике, социологии и политических науках, связанные с распространением *институционалистских* взглядов.
2. Сдвиги в институтах капитализма, произошедшие за последние десятилетия: идет поиск новых институциональных основ (т. н. новая экономика, постфордизм, гибкое производство, экономика знаний, когнитивный капитализм и т. д.), отличных от тех, которые поддерживали послевоенный фордизм.

В совокупности эти изменения привели к институционалистскому характеру новых экономико-географических исследований [12].

В основе институционалистской экономической географии как возможного способа размышления об экономике пространства и ее развитии — повышенное внимание к «внеэкономическим» силам. Напомню, что самый простой способ деконструкции состоит в переоценке / перестановке противоположностей: «постструктуралистские вмешательства» разубедили экономико-географов в первичности экономического. Отсюда и два основных названия того, что я предложил называть парадигматическими сдвигами в современной экономической географии: как в случае с «культурным поворотом», так и в случае с «институциональным поворотом» имеет место противопоставление экономическому. Упор на относительных и социальных сторонах человеческого поведения кроме уже упомянутых исследователей делают, например, Бьёрн Асхейм, Питер Маскелл и Андерс Малмберг [14].

Как я уже говорил, исследование институтов может дать ответы на многие вопросы, связанные с экономическим развитием. Новые построения в рамках исторической школы институционализма говорят, что постепенное развитие есть лишь одна из форм институциональных перемен — более существенны коренные эпизодические перестройки, возникающие из-за несоответствия устаревших норм новым запросам хозяйства. Марк Сеттерфилд соединил обе стороны институционального развития в своей теории «институционального гистерезиса». С точки зрения теории «институционального гистерезиса» экономическая география должна не просто установить, различно ли влияние институциональных перемен на хозяйства разных местностей, но выяснить, *насколько и почему сами институциональные переменны могут различаться географически*. В связи с этим вызывает интерес привязанность некоторых районов, например старых промышленных (каким на Украине является Донецкий угольный бассейн), к институтам, которые теперь препятствуют перестройке и возрождению их хозяйства. В виду исключительного влияния государства на институциональные переменны большой интерес вызывает различие следствий государственных реформ для хозяйств разных регионов и населенных пунктов и связь этих реформ с интересами местных сил [12].

С «институциональной средой» тесно связаны понятия знания и учения. Особенный интерес вызывают «подразумеваемые» знания — идея, развитая Майклом Полани. Ученые, исследующие это явление подчеркивают

низкий уровень упорядоченности некоторых знаний, часто именуемых «скрытыми», и необходимость непосредственного общения, что, безусловно, служит своеобразной защитой всему местному в наш век глобализации; иначе говоря, место истолковывается как среда для личного общения [8]. Еще одно проявление сосредоточенности научного сообщества на процессах учения — распространение термина *learning region* (не беру на себя ответственность переводить его; скажу только, что изредка встречающийся вариант «обучающийся регион» нелеп).

Рассмотрение вопроса об источниках изменений можно завершить обзором творчества Дианы Перронс. При изучении общественного неравенства и связанных с ним различий мест исследовательница в основном опирается на достижения новой экономической географии (условно — «культурного поворота»). Но для нас особенно интересно то, что Д. Перронс указала на общий недостаток (подчеркну, что таково мнение Дианы Перронс — не мое) двух направлений современной экономической географии (как НЭГ Кругмана, так и исследований институционалистской направленности): оба направления заостряют внимание 1) на фирмах и 2) росте внутри района, пренебрегая собственно его развитием; хоть причины сосредоточения взаимно связанных отраслей в одном месте и описаны довольно подробно, влияние таких скоплений на само место в достаточной степени не выяснено [14].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Итак, среди новых течений в экономической географии единства мало. Сходство таких исследований можно свести к тому, что они отрицают безотносительную значительность места, а в его развитии подчеркивают важность тех сил, которыми пренебрегают в рамках основного направления экономического теории, а именно относительных (здесь уместна метафора — контекстных) и социальных сторон экономического поведения. Нетрудно заметить, что источник такой общности состоит в отрицании состоятельности привычных концепций. Но вот как истолковать разобщенность?

На мой взгляд, удовлетворительное объяснение предлагает теория Томаса Куна — исследователя, с именем которого обычно связывают понятие парадигмы. Согласно Т. Куну развитие науки можно описать как чередование эпизодов конкурентной борьбы между различными научными сообществами. В основе существования любого сообщества — принятие его членами определенного образца научной деятельности (т. е. парадигмы), который определяет круг исследуемых вопросов и предлагает способы их решения. Время господства какой-либо одной парадигмы Т. Кун называет периодом «нормальной науки». Если количество проблем, неразрешимых в рамках общепринятой парадигмы (точнее сказать, «дисциплинарной матрицы»; см. дополнение к монографии Т. Куна, написанное в 1969 году), становится слишком большим, наступает «революционный» период, и новые теории начинают оспаривать друг у друга первенство. Для нас особенно важно такое замечание: критерии научности (мерило, упомянутое мной в начале статьи) исто-

рически относительно, так как не существует фактов, которые бы не зависели от парадигмы [10].

Если это верно, то современное положение экономической географии можно назвать периодом «революционной» науки, и тогда мои исходные посылы будут оправданы. Нужно только объяснить, какие именно проблемы оказались неразрешимыми для главного течения. Здесь-то, как мне кажется, больших сложностей нет. Объект исследования любой отрасли обществоведения крайне изменчив. Возникновение новых отраслей хозяйства, изменения в его структуре, глобализация, развитие информационных технологий, поиск новых форм социальной организации, наконец, стремление некоторых научных сообществ влиять на политику — всё это ставит новые задачи перед экономической географией, а значит, требует новых образцов для их решения.

Конечно, остановиться на этом значило бы опростить задание. Не только утверждение новой «модели» научной деятельности, но и отказ от старой — дело совсем не простое. О том, что опровержение на самом деле намного сложнее, чем кажется, говорит тезис Дюэма (Дюэма — Куайна). Его можно сформулировать так: нельзя подвергнуть опытной проверке какую-либо гипотезу в отдельности, а только целую систему гипотез; можно сделать вывод о том, что по меньшей мере одна из гипотез ошибочна и требует изменения, но нельзя определить, какая именно. Приведу также более строгую формулировку: любую гипотезу можно оправдать, несмотря на опытные данные, если мы готовы внести изменения в другие части нашей системы [5].

Наличие этой проблемы склоняет меня к мысли о необходимости различных способов истолкования теории и ее изменений. Возможно, в скором будущем я попробую применить идеи и других философов науки, а не только Т. Куна. Еще одна любопытная тема для исследования — связь между советской диалектикой и западным постструктурализмом. Мне кажется, что во многом они близки. Например, и диалектика, и постструктурализм выступают против «метафизики присутствия» (термин Жака Деррида), уличая исследователей в преувеличении значимости одной из сторон изучаемого объекта.

Использованная литература

1. Amin A., Thrift N. What Kind of Economic Theory for What Kind of Economic Geography // *Antipode*. — 2000. — Vol. 32. — № 1. — P. 4–9.
2. Barnes T. Place // *The Dictionary of Human Geography* / Edited by Derek Gregory, Ron Johnston, Geraldine Pratt, Michael J. Watts, and Sarah Whatmore. — 5th ed. — Singapore: Wiley-Blackwell, 2009. — P. 518–519. — 539 p.
3. Barnes T. Rethorizing Economic Geography: From the Quantitative Revolution to the “Cultural Turn” // *Annals of the Association of American Geographers*. — 2001. — Vol. 91. — № 3. — P. 546–565.
4. Bathelt H., Glückler J. Toward a Relational Economic Geography // *Journal of Economic Geography*. — 2003. — Vol. 3. — P. 117–144.

5. Blackburn S. The Oxford Dictionary of Philocophy / Simon Blackburn. — 2nd ed. — Oxford University Press, 2005. — 407 p.
6. Crevoisier O. The Innovative Milieus Approach: Toward a Territorialized Understanding of the Economy? // Economic Geography. — 2004. — Vol. 80. — P. 367–379
7. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. — Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1999. — 367 p.
8. Gertler M. Tacit Knowledge and the Economic Geography of Context, or the Undefinable Tacitness of Being (There) // Journal of Economic Geography. — 2003. — Vol. 3. — P. 75–99.
9. J. K. Gibson-Graham. Poststructuralist Interventions // A Companion to Economic Geography / Edited by Eric Sheppard and Trevor J. Barnes. — Blackwell Publishing Ltd, 2005. — P. 95–110.
10. Kuhn, T. The Structure of Scientific Revolutions / Thomas Kuhn – 2nd ed. – Chicago: The University of Chicago Press, 1972.
11. Martin R. Critical Survey. The New 'Geographical Turn' in Economics: Some Critical Reflections // Cambridge Journal of Economics. — 1999. — Vol. 23. — P. 65–91.
12. Martin R. Institutional Approaches in Economic Geography // A Companion to Economic Geography / Edited by Eric Sheppard and Trevor J. Barnes. — Blackwell Publishing Ltd, 2005. — P. 77–94. — 536 p.
13. Mayhew S. A Dicitonary of Economic Geography / Susan Mayhew. – 3rd ed. – Oxford University Press, 2004. – 558 p.
14. Perrons D. Understanding Social and Spatial Divisions in the New Economy: New Media Clusters and the Digital Divide // Handbook of Research on Innovation and Clusters: Cases and Policies / Edited by Charlie Karlsson. — Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Limited, 2008. — P. 283–299.
15. Storper M. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. — New York: The Guilford Press, 1997. — 338 p.

Ростислав К. В. Понятие места в новых направлениях экономической географии

Предлагаемое читателю сочинение — это попытка осмыслить перемены, которые происходят в современной экономической географии. Всем отраслям географии свойственно особое внимание к различию мест. Так почему бы не использовать то или иное понимания места как некий указатель? Применяя этот прием, я покажу, каковы новые направления экономико-географической мысли и в чем состоит их связь.

Ключевые слова: новая экономическая география, место, парадигматические сдвиги, деконструкция.

Ростислав К. В. Поняття місця в нових напрямках економічної географії

Пропонований читачеві твір — це спроба осмислити переміни, які відбуваються в сучасній економічній географії. Усім галузям географії властива особлива увага до відмінності місць. То чому б не використати те чи інше розуміння місця як деякий показник? Застосовуючи цей прийом, я покажу, які нові напрямки економіко-географічної думки й у чому полягає їхній зв'язок.

Ключові слова: нова економічна географія, місце, парадигматичні зрушення, деконструкція.

Rostyslav K. V. The concept of place in the modern areas of economic geography

This writing is an endeavour to understand the changes taking place in modern economic geography. It is essential for all branches of geography to focus on difference of places. So, why don't we use a particular understanding of place as a pointer? By means of this approach the paper shows the distinguishing features of the new directions of thought within economic geography and identifies the relation between these trends.

Keywords: new economic geography, place, paradigmatic shifts, deconstruction.